

*Памяти моего учителя
Нисаргадатты Махараджа,
абсолютного депрограммиста*

БЛАГОДАРНОСТЬ

Карлу Гинзбургу, Дугласу Хардингу, Джеку Хорнеру, Дэвиду Кетчину, Дэвиду и Кэрол Ланге, Бабе Муктананде, Бабе Нитьянанде, Роберту Мастерсу и Джин Хьюстон, чей способ групповой работы без ведущего из «Игр с умом» я использовал, Нисаргадатте Махараджу, Брюсу Картеру и Донне Росс (верстка), Линн Бенфилд (редактору) и Карен Бличер (общему редактору). Особая признательность Маргарет Райан, которая очень помогла, переписав по-новому первые сорок страниц, и Кристи Кенией, которая была соавтором пятой главы.

Большое спасибо всем участникам семинаров, спонсорам, и прошедшим обучение, с которыми я встречался, которые доверяли мне и помогали своими сомнениями.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стивен Волински создал одну из самых интересных и вдохновляющих психологии со времен Абрахама Маслоу.

С того времени, как я написала мою работу о Маслоу, «Новые пути в психологии» в 1970 году, я с восхищением наблюдаю постепенную дефрейдизацию психологии. Сначала пришла «экзистенциальная психология» Виктора Франкла, которая возникла из его опыта в фашистских концлагерях и была основана на признании того, что психическое и физическое здоровье человека зависит от его чувства цели. Приблизительно в то же время английские и американские читатели узнали о Цюрихской школе экзистенциальных психологов под руководством Людвига Бинсвангера, который подчеркивал необходимость того, чтобы психоаналитик входил «внутрь» невроза пациента и прекращал вносить собственные предубеждения. Исходным моментом «Психосинтеза» Ассаджили было признание того, что у человека есть сердцевина бытия, «я», и что осознавая свои творческие возможности, человек может продвинуться к «сверхсознанию». Маслоу тоже решительно отказался от фрейдовских механистических взглядов на человека и говорил о «высших пиках человеческого сознания». Мне кажется, что суть таких переживаний, эти внезапные вспышки силы и полнейшего счастья, характерны для всех здоровых людей. Карл Роджерс признал центральную важность самооценки, идеи, которая к тому же была оригинально разработана Натаниелем Брендоном.

В некотором смысле все эти разработки возвращаются к наблюдению, сделанному Уильямом Джеймсом в его небольшой книге «О жизненных резервах». «Человек . обычно живет глубоко внутри своих границ; у него есть разнообразные способности, которые он обыкновенно не использует», и что центральная проблема человека – заядлая привычка неполноценности по отношению к нашему полному «я». Так что пока Фрейд старался доказать, что человек гораздо беспомощнее, чем мы предполагаем, Джеймс и

его последователи старались показать, что человек гораздо *сильнее*, чем он считает, и что исцеление его неврозов зависит от того, научится ли он понимать это.

Мне кажется, одна из самых интересных недавних разработок – техника «фокусировки» Юджина Джендлина. По сути, это обучение пациента заглядывать внутрь себя, стараться «сфокусировать» суть своего несчастья и выразить её словами. Хотя это явно похоже на «лечение выговариванием» Фрейда, эту технику естественно использует и каждый творческий человек, особенно поэт: он учится изливать свои проблемы на бумагу, и исключать их из своей системы.

Все это показывает, что в психологии нет «оригинальности». Психология – это все-таки наука о душе, и каждый, кто может аккуратно наблюдать, неизбежно поймет те же основополагающие истины.

Что мне особенно интересно в Стивене Волинском – это то, что он подошел к этим истинам в том же духе, как и многие «религиозные аутсайдеры», о которых я написала в моей первой книге. Он признает, что был «завсегдатаем духовных семинаров», провел шесть лет, обучаясь в Индии, и затем еще двенадцать лет в медитации три раза в день. Очевидно, что, как и для Святого Августина, Яко́ба Беме, Джорджа Фокса, Блеза Паскаля, Шри Рамакришны, для него проблема «личного спасения» была почти физически неотложным вопросом. И в конце концов его самонаблюдение привело его к выводу, что «наблюдатель не только *наблюдает и осознает*, что проходит через ум и тело, но и является *творческим источником этого*». Это достаточно легко понять. Просто энергично потрите глаза, потом закройте веки и постарайтесь *наблюдать* плавающие цветные пятна. Ваше наблюдение меняет пятна, когда вы стараетесь их рассмотреть. Гуссерль назвал этот эффект «преднамеренностью». Стивен Волински предпочитает говорить о принципе неопределенности Гейзенберга, в котором наблюдатель влияет на наблюдение субатомных частиц. И это, в свою очередь, привело его к разработке техники «выхода за рамки создающего наблюдателя», и достижения того, что он называет «состоянием

без состояния». Он осознал глубокую истинность идеи Бома о «неявном порядке», который лежит в основе явлений, и который формирует «неразрывную целостность, соединяющую нас всех».

То, что Стивен Волински раскрыл здесь – основное мистическое переживание. Оно описано, например, в книге Франклина Миррел-Вольфа «Проходы к пространству»: «Затем с открытыми глазами ... я извлек субъективность – «Я ЕСТЬ» (или Атман) – из всеобщего многообразия объективного сознания. Я сосредоточился на нем. Естественно, я обнаружил, что с относительной точки зрения есть «темнота» и «пустота». Но я осознал это как абсолютный свет и полноту, и что я являюсь Этим». И это вызвало у Миррел-Вольфа то, что он назвал «неземным наслаждением», чувство чистой радости и свободы, продолжавшееся много дней.

Так что можно сказать, что реальная проблема психотерапии – раскрыть самый глубокий уровень собственной личности, и осознать «Ты есть то», «Тат твам аси». Результат – чувство полнейшего восторга и облегчения, свободы от «ложного я», которое окутало нас, как удав. Рамакришна пережил это ощущение, когда он начал совершать самоубийство, вонзая меч в свою грудь. Даже Грэм Грин, один из самых мрачных писателей нашего времени, пережил что-то очень похожее, когда играл в русскую рулетку с револьвером и ударник щелкнул по пустому гнезду барабана. Но, конечно, этот метод не рекомендуется для общего пользования.

Тогда как же это можно сделать? Вот здесь Стивен Волински показывает результат своих двенадцати лет самонаблюдения. Он разработал ряд упражнений – в них состоит суть этой замечательной книги – дающих возможность любому сообразительному человеку «работать над собой» и достичь результатов.

Один из самых важных результатов наблюдений – это что все наши психические состояния, по сути, состоят из форм энергии. Мы считаем некоторые из форм – удовольствие, свободу – хорошими, а другие – страдание, вину – плохими. Но осознать их как просто формы энергии – значит извлечь «ложное я» из ситуации, и убрать «двойной тупик». В этом отношении я особенно рекомендую восьмую главу – «Живущая пустота», и упражнение под

названием «Головоломка Эйнштейна», в котором конфликт (в данном случае – сохранять отношения или разорвать их) рассматривается как частицы в пространстве, а затем пространство рассматривается как состоящее из того же вещества, что и частицы (как сказал Эйнштейн). Результат: «конфликт исчезает».

Что занятно в Волинском – так это чувствовать, как блестящий ум радуется своей способности решать проблемы. Он искренен насчет собственных озарений и как они к нему пришли; он говорит с открытостью человека, которому нечего скрывать. Так что даже помимо упражнений, сама книга оказалась для меня бодрящим и поэтому терапевтическим переживанием. Отвечая на живость Волинского в преодолении проблем, читатель сам начинает опережать его и испытывать чувство собственной свободы – то, что Бакминстер Фуллер имел в виду, когда заметил: «Я как бы становлюсь глаголом».

Каждая психотерапия – это попытка «составить карту души». Аналогии вроде принципа Гейзенберга – это просто разновидность «координатной системы», которая помогает нам взять собственный курс. Уильям Джеймс предпочитал начинать с аналогии жизненных резервов, рассматривая душу как аккумулятор, который может разрядиться. Гурджиев предпочитал аналогию со сном и войной против сна. Франкл видел это как проблему «закона обратного усилия». Что радует меня в Волинском – это что он еще раз доказал, что хорошая исходная «система координат» может дать нам возможность разобраться с проблемой, и вызвать здоровое чувство свободы, способности человеческого ума решить любую проблему. Как Джеймс, Франкл, Маслоу, Роджерс и Ассаджиоли, Волински обнаружил новый и очень оригинальный способ дать нам осознать одну из самых парадоксальных истин человеческой реальности; что точнее говорить не «у меня есть свобода», а «я – свобода».

Колин Вилсон

ПРОЛОГ

После моего возвращения из Индии в 1982 году я начал проводить семинары в моей квартире. Эти небольшие группы, размером от восьми до шестнадцати человек, были первым шагом в разработке «квантовой психологии». Еще многое из этой книги вышло в виде моей докторской диссертации. Со временем семинары расширялись и синтезировали другие школы, психологические и духовные дисциплины, давая возможность на опыте пережить квантовый подход. Тогда я считал, как и теперь; что лучше всего обучать людей подходам работы с собой и с другими, чтобы они могли организовывать свои собственные группы. В конечном счете, люди так могут становиться своими собственными учителями.

Эта книга ограничена по масштабам, поскольку квантовая психология содержит детально разработанную систему исследования, для прохождения которой требуется пятнадцать дней Обучения. Тем не менее в этой книге представлено более 80 упражнений и созерцаний для того, чтобы развивать и исследовать самого себя, в любой обстановке, которую вы предпочитаете. Некоторые люди работают самостоятельно, а для других оказалось ценнее создавать собственные учебные группы без ведущего, которые встречаются у кого-то дома раз в неделю или раз в две недели. Такой способ, когда роль фасilitатора *чередуется*, каждый по очереди проводит в группе квантовые упражнения, процессы и обмен опытом, по-видимому, эффективнее всего, и я рекомендую именно такой способ.

Многие участники семинаров говорили, что квантовый стиль работы открывает настолько много разных окон понимания, что часто им не хватает групповой обстановки, чтобы обговорить это, и они чувствуют потребность в этом. Конечно, это может помочь, дав поддержку при совершении определенных внутренних изменений.

Квантовая психология действительно просит читателя *практически* делать упражнения и созерцания, а не только читать их. Квантовая психология – занятие не для зрителей. Я постарался включить сюда упражнения и созерцания, которые объяснимы и выполнимы в рамках книги. Если какое-то упражнение не подходит или не действует, переходите к другому – это *не* значит, что вы менее развиты или не готовы, это значит, что оно вам не подходит, так что переходите к следующему. Представленные здесь части системы предназначены для добавления к любой «работе», которую вы уже с собой проводите, и конечно не предназначены быть «единственным путем» или «всеисцеляющим средством». Эти упражнения действуют лучше всего при выполнении без предубеждений, когда вы откладываете ваши толкования мира, внутреннего и внешнего, в *сторону*, используя позицию «а что, если это правда», «предположим», или «рассмотрим это как возможность». После завершения каждого упражнения, если оно выполняется в условиях группы, участники создадут много смыслов. На самом деле, в упражнениях нет какого-то одного смысла – достаточно просто делать и исследовать их.

Я надеюсь, что вам этот процесс понравится настолько же, как и мне. Я сказал бы так: «Надеюсь, что он настолько же хорош для вас, как он был для меня».

С любовью, ваш брат Стивен.

Глава 1

ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕЛИКАНА

Сколько я себя помню, моим самым большим желанием было суметь ответить на вопрос «Кто я?». Я достигал этой цели больше двадцати лет, топая через все крупные и мелкие дисциплины западной психологии, восточной медитации, и даже через квантовую физику, а также отходы в наркотики и «свободную» сексуальность шестидесятых. К 1976 году я уравновесил мои чакры, восстановил свое тело до его наилучшего оргазмического состояния с помощью райховской терапии, сидел на «горячем стуле» гештальта, сыграл, драмы моего детства в психодраме, исследовал субличности и состояния «я» в психосинтезе и трансактном анализе, изучил больше ста техник медитации, заново родился, и воспел имена Бога на нескольких языках.

И все же я чувствовал себя неполным. У меня не было успокаивающего чувства знания, кто я, я не нашел переживания себя, которое было бы постоянным, я не мог указать на неизменное «я». Я все так же был разными «я», которые все время менялись, когда я входил в разные эмоциональные состояния. То я нравился себе, то нет. Один день я был удовлетворен своей жизнью, а на следующий был нетерпеливым.

После того, как я столько лет был завсегдатаем семинаров, я встретил индийского гуру. Мне сказали, что он не только знает, кто он, но и может как-то передать эту способность знать мне, так что в итоге я достигну состояния избавления и свободы. Конечно, ни один уважающий себя завсегдатай семинаров не мог упустить такую возможность – особенно потому, что это стоило всего пятьдесят долларов.

Скоро я стал приверженцем этого гуру, все еще интересуясь, когда же я приду к просветлению, когда я в конце концов «найду себя» и узнаю ответ на вопрос всей своей жизни: «Кто я?». Я

провел почти шесть лет в монастыре в Индии, повторяя мантры, работая и медитируя на своем пути сквозь потоки эмоциональной боли, не находя никакого ответа.

Затем с помощью личного контакта с Нисаргадаттой Ма-хараджем, другим индийским учителем, я начал обнаруживать, кем и чем я *не являюсь*: я – это не мой ум ... я – это не мои мысли ... я – это не мои эмоции ... я не являюсь ничем познаваемым. Я *свидетель* всех этих вещей, которые приходят и уходят, но которые не являются мной. Позднее я узнал, что этот подход – обнаруживать, кто ты есть, сначала переживая на опыте, кем ты не являешься – самостоятельный путь. Практической аналогией этого может быть снятие слоев с луковицы. Когда мы начали этот процесс, большинство из нас не осознавало, что остается, когда с «луковицы» сняты все слои – *ничего*. Но мы еще поговорим об этом.

Следующие пять лет, возвратившись в Штаты, я медитировал от трех до пяти часов ежедневно и продолжил мои исследования западных психотерапевтических методов. Эриксоновский гипноз и семейная терапия добавились как составные части к моему внутреннему синтезу. К концу 1985 года я осознал, что впадаю в хроническое состояние депрессии. Я не только не обнаружил, кто я, но и начал воспринимать все модели психотерапии, йоги и духовных дисциплин как *всего лишь модели*. Это системы верований – картички, истории, пересказы истины – но не *истина*. Если бы в них была *истина*, я бы, конечно, не был угнетен, потому что все-таки «верил», что «истина» избавляет от всей боли. Я опять вернулся как клиент в психотерапию и проработку тела, занимаясь этим почти ежедневно. Были периоды времени, когда я каждую неделю получал семь часов проработки тела и несколько часов «обычной» терапии, в дополнение к моей обильной практике медитации. Я пустил все возможное в ход, но все же не чувствовал внутреннего прояснения.

Я изучал буддизм, а Будда говорил, что «я» не существует. Но я говорил: «Конечно, правильно, «я» не существует, но теперь «я» должен медитировать, «я» должен прорабатывать эти ощущения, «я» должен работать над собой ... «я» должен поддаться ... «я» должен перестать сопротивляться» ... и так далее, и так далее. После

многолетней медитации несколько часов в день, я мог войти в умиротворенное состояние, в пустоту, но когда я прекращал медитировать, результат длился, если мне везло, только несколько часов. Затем мой ум возвращался, и я начинал чувствовать себя неудобно: раздражительным, злым или каким-то еще, поскорее возвращался к моей медитации и наблюдал все то же самое снова. В 1986-ом я понял, что восточные учения упускают важный аспект наблюдателя или свидетеля: наблюдатель не только наблюдает и осознает то, что проходит через ум и тело, он вместе с тем является творческим источником этого.

Другими словами, свидетель или наблюдатель ума (мыслей, чувств, эмоций и ассоциаций), не только наблюдает мысли или эмоции, но каким-то образом мгновенно создает то, что он наблюдает. Под этим я имею в виду, что мысль под названием «я не люблю себя» появляется «как будто» она здесь всегда была и самостоятельно жила. Тем не менее в реальности наблюдатель загадочным образом создает мысль с помощью наблюдения; наблюдение является творческим орудием наблюдателя. Проще говоря, чтобы наблюдатель имел работу под названием «наблюдать», он должен создавать что-то, чтобы *наблюдать* это.

Именно тогда я смог *пережить на опыте*, а не просто обдумывать, принцип неопределенности Гейзенберга (подробнее об этом позже). По сути, он утверждает, что вся реальность *создается наблюдателем*. И вот я действительно пережил на опыте, что я сначала *создаю* те мысли, которые я затем наблюдаю или свидетельствую при медитации. Мое второе открытие работы Гейзенберга на *опытном* уровне заново открыло мне квантовую физику и привело меня к разработке системы квантовой психологии. Я начал *перечитывать* все книги, которые мог достать. Выводы квантовой физики кружились вокруг восточных учений в моем уме, когда я начал чувствовать, что каждая система указывает на общую «истину» основополагающего всеобщего единства. Я к тому же начал понимать, как квантовую физику можно объединить с западной психологией, чтобы «ускорить» решение проблем, которые испытывали и я, и мои клиенты.

Следующие полгода я очень старательно работал, чтобы понять и *пережить*, как моя реальность создается наблюдателем. Однажды я сидел, наблюдая как появляются и исчезают мои созданные реальности, и тут я осознал, что я к тому же нахожусь за *рамками* наблюдателя и моей создаваемой наблюдателем реальности. Казалось, что наблюдатель во мне возникал с каждым новым созданием, как будто эти двое, наблюдатель и его создание (то есть мысль или чувство), были сразу же связаны. А поскольку «я» мог наблюдать не только мои мысли, но и себя, наблюдающего за моими мыслями, я понял, что что-то должно выходить за рамки пары наблюдатель-создание. Постепенно я начал чувствовать, что уже не ограничен постоянными приходами и уходами наблюдателя, который создавал каждую новую реальность, становился ей, переживал ее, и наконец наблюдал ее. Был «я-за-создаваемыми-наблюдателем-реальностями», который существовал в том, что я назвал «состоянием без состояния», и чувствовал себя открытым, пустым, и свободным. В это состояние было легко вернуться, отвлекая свое внимание от мыслей и сосредоточиваясь на себе, том, кто находится за пределами мыслей. Часто в медитации личность старается активно создать это состояние с повторения мантры, зрительного воображения, или какой-то другой техники. В «квантовом сознании» (как я назвал его позже), я обнаружил, что когда я уже пережил его на опыте, чтобы вернуться туда, нужно только переместить мое внимание и открыть для него пространство.

Мой следующий скачок в понимании произошел, когда я пережил на опыте, что наблюдатель и создаваемое им (мои мысли, чувства, ощущения, убеждения и тому подобное) – являются одним и тем же на основополагающем уровне. На поверхностном уровне я воспринимал, что они отличаются, и давал им разные имена или ярлыки. Например, в моем теле перемещались какие-то ощущения. Я назвал эти ощущения «страхом» и решил, что это (страх) нехорошо и нежелательно для меня. И в результате я начал сопротивляться этой энергии, которую «я» назвал страхом. Что я понял – так это что «я» назвал эту энергию страхом и «я» решил, что она нежелательна. Когда я перестал решать, что не хочу страха,

снял ярлык и рассмотрел это как просто энергию, проблема исчезла. На своем основополагающем уровне страх состоял из энергии – и мне незачем было этому сопротивляться. (Подробнее об этом в главе 4).

На самом деле все это прекрасно соответствовало идеи известного физика Дэвида Бома о том, что есть «явный порядок» и «неявный порядок». Явный порядок – это мир, как мы обычно его воспринимаем: наполненный объектами с видимыми различиями и границами. Неявный порядок – это неразрывная целостность, соединяющая нас всех; это квантовый уровень, где объекты, частицы, люди и эмоции состоят, субатомно, из одного и того же вещества. На явном уровне, наблюдатель и то, что наблюдается (мысли, эмоции, ощущения) кажутся разными. А на неявном уровне они являются одним и тем же. Когда я погрузился в это неявное состояние взаимосвязанности, граница между наблюдателем и создателем, между наблюдаемым и создаваемым, исчезла, и я остался в спокойной целостности.

Если объяснять подробнее, явный уровень там, где мои мысли, по-видимому, отличаются от стула, моя рука отличается от вашей руки. А на неявном уровне есть основополагающее единство, или квантовый уровень, где все связано со всем остальным. Тогда при переживании печали я осознал, что наблюдатель печали и сама печаль являются в своей основе одним и тем же; только мой взгляд на это на явном уровне раскалывал опыт на противоположности «я и ты». На квантовом, субатомном уровне, состав того, что мы переживаем на опыте как пространство, и того, что мы переживаем как физическую материю, один и тот же – нет разницы между пространством (пустотой) и физической материей. Словами Эйнштейна: «Все – пустота, а форма – сгущенная пустота». (Подробнее об этом в главе 7.) На субатомном уровне, нет разницы между столом, диваном, моей рукой, моей ручкой, моими волосами, холодильником и воздухом или пустым пространством между ними. Если вы посмотрите на мир сквозь «субатомную линзу», мир на своем основополагающем уровне будет выглядеть как плавающие в пустоте частицы – состояние без

боли (или без состояния), в котором могут появляться и исчезать «мои» личные проблемы.

Однажды, созерцая все это, я начал «искать» существо, личность или себя, который выполнял всю эту медитацию, все свидетельствование, все создание, «себя-за-созданными-наблюдателем-реальностями», который переживал на опыте наблюдателя и создателя как одно и то же. Чем больше «я» искал, кто переживает это чувство или эту мысль, кто занимается медитацией, тем больше я видел, что там *никого нет*, только пустое пространство. «Я» ничего не нашел. То, которое делало все эти вещи, и все те вещи, которые делались или создавались, и сознание «я» – одно и то же. Нет отдельного, обособленного «я», потому что «я» не может существовать как отельная сущность, если оно не отличается, не отделяется в своей основе от всего остального.

Сначала я не мог долго оставаться в этом «состоянии без состояния»; я возвращался в созданное наблюдателем состояние, как только я обращал мое внимание наружу и снова создавал мои мысли и чувства, сливался с ними, становился их переживанием. Тем не менее становилось все легче возвращаться на неявный уровень неразрывной целостности, который я посетил. Я впадал в него во время стресса и усталости, а также когда дела шли прекрасно. Хотя я высекакивал из него настолько же часто, как и попадал в него, сознание единства стало всегда присутствующим знанием или наличием, которое вносило огромную поддержку и спокойствие во все, чем я занимался.

Смысл переживания «квантового сознания» – открыть дверь в большую реальность, предоставляющую более широкий контекст, в который мы можем «помещать» наш опыт. Вместо переживания боли, одиночества, разочарования, или отделенности как абсолютных самостоятельных состояний, можно приобрести постоянно живущее чувство большего целого, того как, словами физика Дэвида Бома, «все соединено со всем остальным». Хотя чувство, присоединенное, и даже неотделимое от остального мироздания, приходит и уходит – квантовое сознание не переживается круглые сутки – регулярное переживание его ослабляет хватку пре-

дыущих, ограниченных шаблонов мышления и убеждений. Даже только одно перемещение в квантовое сознание может устойчиво изменить то, как вы относитесь к вашим хроническим шаблонам поведения.

Здесь восточная традиция предшествует нашему новому западному квантовому мировоззрению. Древние тексты по йоге называют это состояние, в котором нет «я», «самадхи»; дзэн-буддистские тексты, «сатори». В этих текстах тоже высказывается мысль, что, когда самадхи переживается все чаще, узы или шаблоны ума распускаются и ослабляются.

Зачем мне нужно переживать на опыте, что я, стул, диван и остальная вселенная – одно и то же на субатомном уровне? Что мне это даст, когда я встану утром, выпью кофе и выйду из дома? Мой ответ основан в первую очередь на моем личном опыте. Для меня жизнь стала ровнее. Любое переживание квантового сознания, даже если он не ярко и живо в сознании круглые сутки, начинает убирать суждение, оценку, боль разделенности, которые обычно отравляют повседневную жизнь. Вместо того, чтобы абсолютно верить в границы и видимости отделения, соревнования, боли и конфликта, с переживанием большего единства открывается еще одно окно сознания.

Квантовое сознание – по сути, осознание единства – далеко не новое понятие в истории человечества. Восточные традиции (и даже некоторые западные философии и религии) очень давно нам говорят, что есть основополагающее единство, соединяющее нас всех. Индивид может продвигаться к переживанию основополагающего единства по многим путям одновременно. А в прошлом нужно было принять систему убеждений, чтобы следовать конкретному пути. В древних, традиционных путях, нужно было сначала принять роль «Истинного верующего» из книги Эрика Хоффера и стать приверженцем мастера, который обучает «этому» – просветлению (вере в одну конкретную систему) и пути («технологии») достижения просветления.

Квантовый подход к сознанию единства отличается ролью науки как его предвестницы. В нашем прошлом наука рисовала кар-

тину гораздо более ограниченной, одномерной вселенной. Центральный принцип ньютоновской физики, который урезал мир до простых единиц *причины*, приводящей к определенному *следствию*, находится в сердцевине современной психологии и даже восточных путей. Какой-то набор событий в детстве рассматривается как причина определенного поведения в зрелом возрасте. Предполагается, что конкретная техника медитации дает определенные, даже *предсказуемые* и «*гарантированные*» результаты.

Как часто я сам испытывал на опыте эти качели обещанных формул причины и следствия, и только разочаровывался. Сколько раз мне обещали, что выполнение «Х» (чего-то духовного или психологического) обязательно прекратит мои затруднения. Я старательно практиковал данное средство (будь это медитация, проработка глубоких тканей тела, или разыгрывание ролей моих частей, и так далее), и все равно боль оставалась.

Открытия квантовой физики перевернули вверх дном упорядоченный мир Ньютона. В 1976 году, когда я натолкнулся на книгу Фритьофа Капры «Дао физики», я прочитал с восхищением о новом принципе, предварительно названном «нелокальностью», который известный физик Генри Стэпп назвал «самым глубоким открытием науки» (Стэпп, 1977). В книге «Луна Эйнштейна» физик Дэвид Пит описал работу физика Джона Стюарта Белла, чья теорема (соответственно названная «теорема Белла») утверждает, что во вселенной «нет локальных причин». Объяснение «доказательства» Белла сложно, но, по сути, оно утверждает, что не существует линейных причинно-следственных связей ньютоновской физики. Когда Белл впервые опубликовал свои открытия в 1964 году, по научным кругам прокатились волны потрясения, и они продолжают распространяться и сегодня. Великан по имени «Наука», долго укачиваемый под колыбельную ньютоновской физики, наконец проснулся. Обратив свой несгибаемый линейный взгляд (причина и следствие) в нелинейном (нелокальном) направлении, он содрогнулся до основания. Принципы эра Исаака Ньютона, которые прекрасно послужили как самое основание Науки (включая психологию), загремели и раскололись, открыв при этом

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru